

ТАЙНЫ ПРОШЛОГО

ЭКСПЕДИЦИЯ В СЕРДЦЕ ВЕЧНОСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ания Вокс

Тайны прошлого

«Автор»

2026

Вокс А.

Тайны прошлого / А. Вокс — «Автор», 2026

Шерри — успешный археолог, живущая своей профессией. Когда очередные раскопки приводят её в Египет, начинают происходить странности, которые никто не может объяснить, кроме опасного незнакомца, ворвавшегося в её жизнь со стаканом горячего кофе и пачкой новеньких, хрустящих купюр. Вместе с ним ей предстоит разгадать загадки её прошлого, что неотвратимо переплетается с будущим. На что она готова пойти ради ответов?

© Вокс А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ания Вокс

Тайны прошлого

Глава 1

Я бежала в темноте, не разбирая дороги, молясь всем подряд, кто приходил на ум. Потому что, если остановлюсь, случится что-то такое, от чего я не смогу прийти в себя никогда. Капли пота скатывались по спине, но я упрямо не обращала на них внимания.

Вокруг не было ничего, кроме удушливой, вязкой тьмы, готовой поглотить меня целиком, стоит только замедлить шаг. Ни звуков, ни эха, ни единой зацепки, за которую можно было бы зацепиться взглядом. Только давящая чернота и моё собственное громкое дыхание. Я не знала, где я, не было ни единого предположения, как сюда попала. Я знала только одно: там, позади, есть что-то, что хочет меня поймать. Что-то, от чего нужно бежать из последних сил.

За спиной раздался смех, от которого даже у мертвеца поползли бы мурашки. Он отскакивал от пустоты, стремясь вонзиться в меня, проникнуть под кожу, отравить кровь. Я не видела того, кто смеялся, но чувствовала его присутствие.

— Ты не скроешься от меня!

От этого голоса волосы встали дыбом, ноги начали наливаться свинцом. В полной тишине этот шёпот казался громом среди ясного неба. Оглушительным и не сулившим ничего хорошего. Я не хотела оборачиваться, не хотела видеть, что кроется во мгле. Что-то внутри подсказывало: для меня это обернётся чей-то страшнее смерти. А поскольку умирать я не планировала, пришлось приложить все силы и бежать ещё быстрее, раздирая лёгкие в попытке добыть хоть глоток воздуха.

Яркая, зелёная вспышка на секунду осветила всё вокруг, ослепила, сбила с ног. Я упала, больно ударившись коленями о что-то твёрдое. Теперь я видела странный коридор со стенами из тёмного камня, мерцающего лиловым, как аметист. Пол был выложен чёрной плиткой. Впереди, в тусклом свете, переливалась вода. Я никогда не видела такой воды — чёрной, маслянистой, в которой отражались звёзды, хотя над головой был потолок.

Мысли путались, паника сковывала движения, но тело действовало само. Я поднялась и побежала к воде, к свету, прочь от голоса, который всё приближался. Ладони встретились с холодной гладью, больно ударившись об острые камни. Колени, следовавшие за ладонями, жгло огнём. От острой боли я закусила щёку, лишь бы предательский вскрик не сорвался с губ.

Я попыталась встать, но не получилось. Кто-то схватил меня за лодыжку — мёртвая хватка, от которой немеет всё тело. Холодные пальцы сжались с такой силой, что кости захрустели. Я закричала, рванулась вперёд, но меня потащили назад, в темноту, где не было ничего, кроме смеха. Чей-то шёпот коснулся уха, и я почувствовала, как мир схлопывается, как тьма становится осязаемой, как я проваливаюсь в бездну.

— Не сбежишь!

Я хотела спросить: кто ты? Но слова застряли в горле, и всё, что я могла, — это смотреть в темноту. И там, в глубине, я увидела два зелёных глаза. Они смотрели на меня с насмешкой и любопытством, как смотрит хищник на загнанную добычу. Я не видела лица, только эти яркие и пугающие глаза и улыбку, не сулящую ничего хорошего.

— Это только начало, дитя!

* * *

Я попыталась вырваться и не смогла. Резко распахнув глаза, я попыталась вскочить на ноги, но что-то прочно удерживало моё трепыхающееся тело на месте. Яркий свет после полной

тмы ослепил, паника захлестнула меня с новой силой. Я заколотила ногами, лишь бы то, что меня удерживало, наконец-то расцепило свои когти, и я смогла либо дать отпор, либо сбежать.

— А ну не трогай меня! — Крик вырвался прежде, чем я осознала, где нахожусь.

— Шерри?! Ты чего? — Рядом раздался взволнованный голос, когда я наступила на чью-то ногу.

Зрение прояснилось, но остатки жуткого сна не желали покидать меня. Сердце билось со скоростью пулемётной очереди. Пот стекал по спине и лицу, одежда была понятая. Волосы спутались и свисали неряшливыми патлами, словно последние недели я старательно примеряла образ бомжа. Я не понимала, где я. Вокруг были люди, стены, иллюминаторы. Справа от меня сидел Том Локвуд, мой напарник, и смотрел ярко-голубыми глазами, с плескающимся в них непониманием и немалой долей шока.

Мой крик привлёк к нам всеобщее внимание. Одни пассажиры с увлечением скользящих подростков выглядывали в проход, чтобы узнать, что произошло. Те, что сидели ближе к нам, начали перешёптываться, с осуждением косясь на Тома. Могу поклясться, что старушка, сидящая перед нами, прошептала своему спутнику: «Господи прости, где только не встретишь этих извращенцев! Совсем стыд потеряли». За перевод ручаться не могу, в конце концов, китайский я знала на уровне трёх с минусом.

— Где я? — выдохнула я, всё ещё пытаюсь отдышаться. — Что... что произошло?

— Ты спала, — сказал Том, закусывая губу. — И опять кричала. Я пытался тебя разбудить, но ты просто колотила ногами, я думал, ты сломаешь мне что-нибудь.

Я провела дрожащей рукой по лицу. Внутри всё ещё пульсировал страх. Я не помнила лица, не помнила деталей. Только зелёные глаза, которые смотрели на меня из темноты.

— Кошмар, — прошептала я, стараясь унять дрожь в голосе. — Просто очередной кошмар.

— Это был не просто кошмар, Шерри, — осторожно сказал Том. — Ты... ты звала кого-то. Я не разобрал имя. Но ты говорила «не трогай меня» и...

— И что? — перебила я резче, чем хотела.

— И ещё что-то. Про реку. Про глаза, — Том пожал плечами, но в его взгляде была тревога. — Забудь, я вообще решил, что это ты мне так мстишь за пролитый кофе?

— Кофе?

— Так и знал, что дело в твоей кофейной зависимости! — Напарник соорудил самое страдающее лицо. — Я знал, что ты злопамятна и даже мстительна, но теперь половина самолёта считает меня извращенцем.

Том поднял передо мной один палец. Когда дело пошло за вторым, он изменился в лице. Чутка побледнев и плотнее сжав зубы, Локвуд процедил:

— А ещё ты сейчас сломаешь мне палец на ноге! Ей богу, на Рождество подарю тебе сандали или ботинки с плоской подошвой!

Я опустила взгляд вниз: новенькие туфельки на высоком каблуке упирались прямо в мужской кроссовок. В месте, где соприкасалась наша обувь, уже появилась глубокая вмятина. Не раздумывая, я быстро передвинула ногу, хотя за кофе можно было бы её и отгрызть.

Что ж, Шерри, прекрасная работа! Кажется, теперь я должна Тому новые кроссовки и заживляющую мазь.

— Кошмар, — мне не хотелось обижать Тома. Он был хорошим напарником и претендовал на звание отличного друга. — Но за кофе ты у меня ещё получишь!

— Я же извинился! Не будь ко мне жестокой!

— Жестоко было проливать мой кофе после двух бессонных ночей прямо перед вылетом! Пока ты цеплял китайских девушек в клубе... Как назывался тот клуб? «Язык Дракона»? Так ещё и прикрывал свои ночные вылазки щенячьими глазами со слезами: «Шерри, когда ещё мы побываем в Китае», я доделывала самую нудную часть нашей работы!

— Пончики? — поднимая руки в знак поражения, спросил Том.

Том Локвуд был из тех прекрасных людей, которые понимали, когда битва проиграна и надо отступить. Зная о моей беспрдельной любви к выпечке и сладкому в целом, он всегда шёл на мировую с коробкой конфет, лучшим горячим шоколадом Парижа, либо пачкой макарони.

— Круассаны, кофе и новые туфли! — Я хитро улыбнулась, рассчитывая хотя бы на часть из перечисленного.

— Обожаю женщин, знающих себе цену! Но никаких каблуков, иначе ты отправишь меня в больницу раньше, чем месье Леопольд снова назовёт нас идиотами, — Локвуд строил гримасу, точь-в-точь пародируя нашего начальника.

Глупые шутки и оттоптанные ноги Тома приподняли моё настроение, вытесняя из памяти жуткие образы из сна. В конце концов, когда ты только и делаешь, что копаешься в старых легендах и саркофагах, забывая, что такое здоровый сон, присниться может и не такая чертовщина. Поэтому без зазрения совести я уставилась в иллюминатор, рассматривая яркие всполохи в темном небе.

* * *

После перелёта единственное, о чём я мечтала — душ, кровать, и чтобы ни одна скотина не посмела меня с ней разлучить. На моменте, где я представляла голову на любимой ортопедической подушке, мы покинули здание аэропорта. Тон тащил наши чемоданы, предоставив мне ловить такси. Задача оказалась со звёздочкой или, как бы я выразилась — «миссия невыполнима». Китайские туристы, летевшие вместе с нами, оккупировали стоянку вечно хмурых таксистов, убивающих свои лёгкие нескончаемым потоком сигаретного дыма.

Хотелось на кого-нибудь из них наорать, а когда какой-то умник в дурацкой рубашке с пальмами и сандалях на белые носки наступил мне на ногу, желание превратилось в зудящую потребность. Во-первых, за сандали на носки. А во-вторых, мои туфли стоили мне двух последних зарплат, с которых большую часть я откладывала для покупки этих малышек.

Я могла бы сказать, что не повёрнута на брендовых вещах, но это было бы откровенным враньём. Когда ты полжизни жизни провёл на грани нищеты, а потом получил шанс вырваться из этого, невольно захочется иметь всё самое лучшее. Просто чтобы доказать самому себе, что ты смог, ты больше не там. Тебя больше никто не тронет. Никогда!

Сорбонна, красный диплом, лучшие стажировки — всё это стоило мне ночей без сна, слёз в подушку и бесконечной зубрёжки. Я выгрызла своё место под солнцем зубами, ногтями, собственной кровью. Я стала той, о ком шепчутся коллеги и бросают завистливые взгляды. Шерри, француженка с египетскими корнями, — человек с характером, который могут вынести далеко не все. Я знала свою репутацию и гордилась ею.

Пусть боятся, пусть ненавидят. Главное — не жалеют. Жалость — это то, что я возненавидела больше всего на свете. Жалость хуже любой травмы. Она как яд, который заставляет тебя думать, что ты слабая. А я не слабая. Никогда больше.

Том наблюдал за мной, как родители наблюдают за непослушными детьми, готовый в любую минуту напомнить мне, что мы в людном месте, а расправа над иностранными туристами может грозить серьёзным, если не пожизненным сроком.

— Кажется, нам сегодня не везёт, — Том посмотрел в ту же сторону, что и я. — Дай мне минутку, сейчас я что-нибудь придумаю.

Спустя две минуты, он развернул телефон в мою сторону, показывая переписку с Леопольдом, где в конце не забыл поставить грустный смайлик.

— Знаешь, с тем, как мы постарались в Китае, Леопольд мог бы и сам нас встретить! — Отпустив едкое замечание в сторону нашего начальника, я тяжело вздохнула. — Но нет, начальникам не пристало снисходить до простых смертных, даже если эти смертные нашли ему пару артефактов, за которые любой музей мира отдал бы всё, включая свои экспонаты. А

у меня, между прочим, спина болит от этих бесконечных раскопок, и я готова продать душу за нормальный матрас!

— Ты и так продала её за те туфли, — фыркнул Том, кивая на мои ноги.

— Хорошая сделка. Дьявол носит Prada.

Да, я была уставшей и раздражённой. Могу поспорить, что сейчас я больше напоминала смесь панды и вороны, учитывая синяки под глазами и причёску, описать которую можно было бы только словом «гнездо». И потому, как только я увижусь со своим любимым начальником, непременно выскажу своё мнение о распределении бюджета в нашем агентстве. В конце концов, Леопольд мог бы позволить своим лучшим сотрудникам и трансфер до дома! Не приведи господь, он начнёт со мной спорить.

Пока мы ждали машину, я присела на чемодан, вытягивая ноги. Жизнь вокруг кипела, как и мои нервы. Аномальная жара опустилась на осенний Париж, словно забыв о смене сезона. Люди мельтешили в разные стороны. Кто-то с криком расталкивал толпу, опаздывая на рейс, кто-то наоборот был уже дома и с счастливой улыбкой в кругу встречающих направлялся в сторону остановки. Вторые раздражали ещё больше первых.

Пот снова стекал у меня по спине, но в этот раз из-за солнца, готового изжарить всех, кто попадётся на его пути. Том отошёл замаливать моё прощение к ближайшему автомату с кофе. Весь процесс от перемалывания зёрен до готового напитка занимает тридцать секунд. Если Том не дурак и берёт мой любимый латте — пятьдесят секунд. Когда ты — кофеиновый наркоман, невольно начинаешь знать и не такие мелочи.

По моим подсчётам, он должен был вот-вот вернуться. Стараясь скрасить ожидания, я достала телефон и нашла номер Леопольда в недлинном списке контактов. Один гудок, три удара сердца, и на другой линии послышался знакомый голос.

— Умоляю, скажи, что ты никого не убила!

— И я рада тебя слышать, Поль, — рада настолько, что готова накричать. Видимо, меня выдавала интонация, раз десять секунд он просто молчал. Громкие десять вдохов и выдохов, зная начальника, как облупленного, я могла точно сказать, что паршивое настроение было не только у меня.

— Всё настолько плохо?

— По пятибалльной шкале — пять. А когда Том принесёт мою взятку, будет четыре с половиной. Но если в течение тридцати минут я не попаду в душ, этому городу грозит опасность!

Я почти не преувеличивала. Сейчас между мной и мечтой о горячей воде и кровати стоял только водитель паршивого такси.

— Чёрт, — на заднем плане послышались ругань и бибиканье, — тут пробка. Стою около четырнадцатого моста. Давай договоримся: ты будешь дома через час, и, если к моему приезду у выхода не будет полиции и скорой, расскажу то, что тебе определённо понравится.

— Подожди, ты что, сам едешь?

Услышь я это от кого-нибудь другого, решила бы, что мне рассказывают анекдот. Чтобы Леопольд сам забрал кого-нибудь — нонсенс! Он не из тех людей, кто вообще пустит кого-то в свою машину. Кроме меня, конечно же. Наша с ним история началась в школе, куда меня, вопреки всем прогнозам, приняли по гранту. Я была единственной из приюта, кто получал стипендию. И он был единственным, кто не смотрел на меня как на грязь под ногами.

— Да, — короткий ответ в его рабочем стиле, когда он превращается в строгого начальника, руководящего первоклассными, квалифицированными «идиотами».

На этом Поль отключился, не позволив задать новые вопросы. Интриган!

Стоило убрать телефон, как меня накрыла спасительная тень. Кто-то приближался со спины, и я надеялась, что Том несёт спасительный кофе.

— Ни за что не поверишь, кто нас забе... — договорить мне было не суждено.

Горячая струйка скользнула по ключице, и в ту же секунду плечо обожгла резкая боль. Словно туда прижали раскалённый кусок металла, готовясь оставить пожизненное клеймо. На секунду мир перестал существовать, в глазах потемнело. Невольно в уголках глаз скопилась влага. Я зашипела сквозь зубы, чувствуя, как жжение пульсирует в такт сердцу, а тонкая ткань футболки предательски липнет к коже.

— Ты издеваешься! — Последняя нить моего терпения лопнула с такой силой, что я сама испугалась собственного голоса.

Стиснув зубы, чтобы не закричать, я оттянула край футболки, стараясь рассмотреть, насколько всё серьёзно. Не хилый ожог, но волдырей не было. Хотя и маленькое, но всё же утешение.

— Я тебя не заметил, — мужской голос, принадлежавший точно не Тому, коснулся моего уха.

Быстро обернувшись, я силилась убить взглядом виновника испорченной одежды и этого дня. Брови поползли вверх, стоило увидеть шикарного засранца, опрокинувшего на меня кофе. Высокий, с широкими плечами и абсолютно безразличными тёмными глазами. Строгий чёрный костюм сидел на нём идеально. По одному только взгляду на него я могла бы точно сказать, что его ценник превышает ною годовую зарплату. Вишенкой на торте стали уложенные волосы. Они явно не определились с цветом, переливаясь на солнце от каштанового до тёмно-красного с винным оттенком.

— Как можно не заметить человека на чемодане? У тебя проблемы со зрением?! — Я вскочила, забыв про усталость. — Или ты специально обливаешь незнакомок кофе, чтобы потом знакомиться? У тебя что, других способов нет?

— Вот, это на химчистку, — незнакомец вытащил из внутреннего кармана пиджака несколько купюр, проигнорировав мой вопрос. Его движения были плавными, почти ленивыми, словно он делал одолжение.

— Для начала я хотела бы услышать извинения. Знаешь, такое слово — «извините»? Состоит из девяти букв, произносится легко, даже такой наглый тип, как ты, способен его выговорить! Или ты родился в хлеву и не знаешь элементарных правил приличия?

Он усмехнулся. В этой усмешке было столько высокомерия, что я готова была вцепиться ему в горло.

— Солнышко, я не из тех, кто будет извиняться. — Он хмыкнул, бросая рядом со мной деньги. — Но я с удовольствием заплачу. Ты ведь любишь дорогие вещи, я прав? У тебя на ногах туфли, которые стоят как мой хороший ужин в ресторане. Ты явно знаешь толк в деньгах.

От такой наглости у меня чуть не пошла пена изо рта.

— Любить дорогие вещи — не преступление. А вот быть самодовольным придурков, который не умеет извиняться и одевается как риелтор из дешёвого сериала, — вот это повод задуматься! У тебя там, в твоей вселенной, вообще есть понятие «личное пространство» или ты привык врывать в чужую жизнь без спроса и проливать на неё кипяток?!

Он подошёл ближе, и я почувствовала запах его парфюма — дорогой, резкий, с нотами шафрана и чего-то сладкого. Я отступила на шаг, спотыкаясь об чемодан.

— «Хм-м, говоришь ты конечно красиво», — сказал он почти шёпотом. — Это редкость. Обычно девушки в твоём положении либо плачут, либо визжат. А ты... рычишь. Жаль, что придётся расстаться. У меня самолёт через час.

— Иди на свой самолёт, — отрезала я. — И исчезни с моих глаз.

Он улыбнулся, и в этой улыбке было столько самоуверенности, что я захотела ударить его. Но он просто развернулся и пошёл прочь, не оборачиваясь. Через пару шагов он бросил через плечо:

— Как скажешь, мадемуазель. Но мир тесен. Кто знает, может, мы ещё встретимся.

Я хотела крикнуть ему вслед что-то язвительное, но слова застряли в горле. Внутри всё кипело от злости на него и на себя. На то, что я позволила ему вывести меня из себя.

Том Локвуд нашёл меня мокрой и злой, как собаку. Как истинный англичанин с наклоном к джентльменству, он предложил мне свою рубашку — прикрыть футболку, через которую уже просвечивало нижнее бельё. Стоило отдать Тому должное, быстро сообразив, что произошло, кофе он мне так и не предложил. Оба стакана отправились в ближайшую мусорку: мой по понятным причинам, а его ради всеобщей безопасности.

Готова дать голову на отсечение, в глазах моего напарника я была кем-то вроде безбашенной Лары Крофт, только с плохими манерами и совершенно невыносимым характером. Спасительный гудок, знаменовавший конец этой пытки, донёсся из белого рэндж ровера, припарковавшегося в паре метров от нас. Не собираясь проводить здесь больше ни секунды, я вскочила с засиженного места и пулей бросилась к машине.

Поль уже вылез из машины и помогал притихшему Тому укладывать чемоданы. Как я и говорила, происходящее было похоже на анекдот. Том в светлых джинсах и чёрной футболке рядом с начальником в классической белой рубашке, синих штанах и лаковых туфлях, старющийся не испачкаться об грязные колёсики чемоданов.

Впервые с перелёта на губах расцвела улыбка. Я откинулась на сиденье, наблюдая за этими двумя в боковое зеркало. На короткий миг всё произошедшее перестало быть раздражающим. Сейчас существовал только этот момент: прохладный салон, удобное кресло и два близких мне человека. Пусть мы с Томом никогда не называли друг друга друзьями, но представить свою жизнь без его ехидных замечаний уже не могла.

Мгновения внутреннего умиротворения продлились недолго. Стоило ремню безопасности коснуться плеча, как оно взорвалось пульсацией, напоминая о злополучном идиоте. Настроение испортилось. Я не любила придурков, считающих, что всё под их ногами — не более, чем пыль. К счастью, этот тип улетал в ближайшее время.

Как только они закончили с погрузкой, и все расселись по местам, мы наконец-то покинули территорию аэропорта Орли, с которым у меня с недавних пор были исключительно негативные ассоциации. Пока мужчины обсуждали нашу поездку в Китай, я просто смотрела в окно, наблюдая, как мимо на скорости проносятся машины. Что ж, сегодня у парижских полицейских прибавится либо работы, либо вес кошелька.

Как ни крути, всё и всегда упиралось в деньги. Если ты богат, то тебе и закон не писан. Тебя всегда прикроют мамочка с папочкой, готовых на всё ради репутации и любимых чад. Возможно, у тех, кто вырос с золотой ложкой во рту, хватало своих жизненных трудностей и проблем, этого я никогда не узнаю. Все богачи, которых я знала были до безобразия избалованными, а от скуки от роскоши, становились озлобленными, ищущими веселья там, где искать нормальным людям точно не стоит.

Хотя и среди них были редкие исключения. Я украдкой посмотрела на Поля, сконцентрировавшегося на дороге. Видимо их беседа закончилась, потому что сейчас мы ехали в полной тишине. Том явно чувствовал себя некомфортно. Плотно сжатые губы время от времени приоткрывались, чтобы что-то сказать, но потом снова смыкались так и не найдя темы для разговора. Локвуд даже не мог усидеть на месте, всё время ёрзая из стороны в сторону. Будто он ехал не в кожаном салоне дорогого автомобиля, а участвовал в скачках верхом на еже.

Я отвернулась в сторону Леопольда, рассматривая изящные, худые пальцы, вцепившиеся в руль. Мы как раз въезжали в центр города, где, ни к чему удивлению, встали в длинную пробку. Париж можно было бы описать несколькими словами, чтобы понять, о каком городе идёт речь: Лувр, Эйфелева башня, Сена, вечные пробки.

— Так почему ты приехал сам? — Самое время, чтобы задать скопившиеся вопросы.

— Когда Томас написал, что у вас проблемы с транспортом, я как раз был неподалёку по делам, — на последнее слово он бросил красноречивый взгляд.

Было не сложно догадаться какие у него были дела. Даже имя могла предположить — Розалин Де Кюстин, красотка с длинными ногами и жертва быоти-индустрии. По совместительству — девушка Леопольда. Я не из тех, кто лезет в личную жизнь своих друзей, но в их случае очень хотелось. На первый взгляд, Розалин производила впечатление классической «блондинки» с лёгким характером и по уши влюблённой в Поля. Вот только, зная её достаточно хорошо, могу с уверенностью сказать, что она та ещё ревнивая стерва, готовая на всё, лишь бы быть в центре внимания французской элиты. И этим «всё», к сожалению, стал Леопольд.

Одна бровь взлетела вверх. В взгляд, которым я одарила начальника, я постаралась вложить всё, что думаю об их отношениях с Розалин. Многозначительный вздох, сопровождающийся покачиванием головы, означал лишь одно — я лезу не в своё дело. Иногда мне казалось, что каждый мужчина на этой планете — законченный идиот!

Том, наблюдавший за нами, даже бровью не повёл. За последние два года совместной работы он видел и не такое.

— Месье Барри, с вашего позволения я выйду здесь. На метро будет быстрее, — подал голос Том.

Мы не сдвинулись ни на метр, видимо Локвуд был прав, встряли мы тут надолго. Подумав о том же, Поль попал плечами, открывая багажник прямо из салона.

— Завтра в 10 приходи в офис, будет важное объявление. И прошу без опозданий.

— Вот вам и отпуск после работы, — Том устало покачал головой.

Начальник смерил его взглядом, под которым тот поспешил ретироваться в сторону метро. Когда дверь захлопнулась, я вспомнила про оставленную рубашку.

— Том, Томас! — по пояс высунувшись в окно, я старалась докричаться до него. Но попытка была провалена, Том уже скрылся за поворотом. — Чёрт!

Мы остались с Полем вдвоём. Он резко развернулся ко мне. Его светлые глаза впились в моё лицо.

— Шерри, что случилось в аэропорту? — спросил он, и голос его стал холодные, как сталь.

— С чего ты взял, что что-то случилось? — Я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой.

— С того, что я знаю тебя больше десяти лет, — отрезал он. — И знаю, когда ты врешь. Рассказывай?

Я отвела взгляд, глядя на проплывающие мимо здания Парижа.

— Просто идиот, — сказала я наконец. — Облил меня кофе, нахамил, ушёл. Ничего особенного.

Поль ничего не сказал, но я знала этот его взгляд. Он запоминал. Он всегда всё запоминал.

— Завтра у меня для тебя кое-что есть, — сказал Поль после долгого молчания. — Сюрприз.

Я фыркнула, не оборачиваясь.

— Опять моя любимая лазанья? Потому что после Китая я готова съесть даже твои кулинарные эксперименты, если они будут горячими.

— Нет. — В его голосе послышалась улыбка, хотя лицо оставалось серьёзным. — Это связано с Египтом.

Я резко обернулась. Моё сердце пропустило удар. Египет. Это слово всегда действовало на меня как наркотик — манило, обещало ответы, заставляло кровь бежать быстрее.

— Поль, мы поедem в Египет?!

— Узнаешь завтра, — отрезал он, не сводя глаз с дороги. — Отдохни, выспись. Тебе это нужно.

Я хотела возразить, потребовать объяснений прямо сейчас, но усталость взяла своё. И впервые за долгое время я позволила себе просто молчать, слушая звук мотора и чувствуя, как заботливые руки Леопольда направляют машину домой.

Там, где я была в безопасности. По крайней мере, пока не закрою глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.